

Изя Иванофф

**НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ
ИЗ ЖИЗНИ ОТСУТСТВУЮЩИХ**

Изя Иванофф

Несколько историй из жизни отсутствующих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29181542

SelfPub; 2018

Аннотация

Три фрагмента из жизни самых обычных людей, с весьма необычными сопутствующими обстоятельствами. Без пролога, эпилога и четко прописанной морали. Три истории о том, как простая случайность может запустить цепочку совершенно непредсказуемых событий, которые поведут главных героев к их судьбе, о которой они еще вчера и помыслить не могли. Повод лишний раз оглянуться на свою собственную жизнь. Хорошее настроение после прочтения не гарантируется. Содержит нецензурную брань.

Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть.

Евангелие от Луки, гл.17, ст. 20-21

—

—

—

—

Магазин подержанных членов

—

1. Уши фрау Шульцбрехт

Израиль Иммануилович был умным человеком.

Он, конечно, сразу оценил серьезность положения и стал делать то, что от него требовали. Однако он был бы не он, если бы даже в таких специфических условиях не включил свой сарказм и, удивленно подняв брови, не сказал, глядя на направленный ему в лоб ствол пистолета:

– Молодой человек, если бы вы хотели пучок редиски, то лавка зеленщика – за углом, а у меня, позвольте заметить, картотека, и «побыстрее» никак не получится!

Сказал и с невозмутимым видом, шевеля губами и что-то бормоча себе под нос, принялся копать в шикарном резном деревянном бюро, содержавшем внутри себя большое количество помеченных литерами выдвигаемых ящичков, забитых ветхозаветным картоном, с напечатанными на

нем наименованиями и номерами содержащихся в хранилище предметов.

Я в свое время недоумевал, зачем он, вместо того чтобы, как все, пользоваться стандартными техническими решениями, связался со всем этим старьем, но потом понял, ну, или во всяком случае родилась у меня вполне достоверная гипотеза, что это был такой его хитрый маркетинговый ход. Типа пока он там со своими бумажками возится, покупатель от долгого ожидания адреналином до самых ушей залетит: есть то, что ему нужно, или нет? А если все-таки есть, то под этот свой случившийся на паузе ажиотаж он денежки Израилю Иммануиловичу отдаст легко, без должного сопротивления, которое вполне мог бы оказать, иди все обычным порядком.

Правда, теперь весь этот винтажный выпендрег мог выйти боком и ему, и мне, потому что «молодой человек», которому, кстати, нужны были именно уши, адреналином был прямо-таки переполнен.

Пистолет плясал в его дрожащей руке, совершенно безумные глаза выпучились, дергались и кривились губы, а голос был высок и истеричен.

Я почему-то подумал, что Израиля Иммануиловича он застрелит обязательно – тот все делал медленно и обстоятельно, так, что казалось, что он просто издевается, а меня, естественно, убьет, чтобы не оставлять ненужного свидетеля.

Это было тем более досадно, потому что в магазинчик я

зашел совершенно случайно, просто поздороваться.

...

Историю возникновения этого необычного магазина я слышал не раз и не два. Впрочем, со словом «необычный» я, скорее всего, переборщил: чем только люди ни занимаются, сражаясь со скукой! Кто-то прыгает с парашютом, кто-то гоняет на машине по соляному озеру, а кто-то – коллекционирует.

Раньше коллекционировали картины, духи, марки, вино, а теперь еще и уши, носы, вагины и всякие прочие члены. Поначалу подобное, конечно, казалось чем-то из ряда вон выходящим, кое-кто даже пытался накалять ситуацию в том смысле, что это чистейшей воды очередной «еврейский сатанизм», мол, сами из стволовых клеток под заказ что хочешь и какое хочешь выращивают, сами режут, а тут еще и целый бесстыжий бизнес на обрубках устроили.

Однако время шло, вся эта шумиха сошла на нет, и селф-контрактинг стал обыденностью.

Отрасль развивалась динамично, и на ее основе даже возникла новая культура. Потребителю показалось недостаточным формирование «идеального себя». Статичный облик стал восприниматься как анахронизм, и народ кинулся «носить».

Это был уже взрыв глобального масштаба. Индустрия моды вырвалась в новое измерение.

«Носили» носы «от того», а уши – «от этого». С ягоди-

цами из прошлогодней коллекции в приличное место показаться было уже никак нельзя. Ну и все в таком роде.

Потом, понятно, появились эстеты, которые не желали носить продукцию массового производства, а требовали для себя оригиналы. И не просто оригиналы, принадлежавшие какому-нибудь механику из Детройта, а непременно от известной персоны или звезды.

Многие, намаявшись, захотели вернуться к истокам и тоже кинулись искать свои бывшие составляющие.

А поскольку законодательная база постоянно отставала, то это провоцировало многочисленные и иногда весьма громкие коллизии и судебные процессы и, естественно, привело к образованию «серого» и «черного» сегментов рынка – сегментов, где обращались огромные деньги, с которых, заметьте, не платились налоги.

В общем, интерес к подобному антиквариату был на подъеме, и Израиль Иммануилович, бывший в этом бизнесе давно и имевший в нем серьезную позицию, надо полагать, не бедствовал.

Что же касается истории возникновения магазина, то я ее, конечно же, слышал от третьих лиц, и не раз.

История была из разряда пикантных, но мое скептическое отношение к ней определялось не этим обстоятельством, а в большей степени в силу привычки черпать информацию из первоисточника.

Не думаю, что Израиль Иммануилович отказался бы по-

ведать мне, как это было на самом деле, спроси я у него прямо, но в том-то и дело, что подобный вопрос приходил ко мне в голову когда угодно, но только не тогда, когда я мог бы его ему задать.

...

Наконец нужная карточка была найдена, и можно было вздохнуть свободнее.

Израиль Иммануилович повернулся к грабителю, увидел все тот же направленный ему в голову ствол и сказал с видимым осуждением:

– Дорогой друг, вы бы опустили пистолет. Он тяжелый, не дай Бог палец у вас дрогнет, а я сегодня вечером планирую есть у себя дома гефилте фиш, несмотря ни на что.

Сразу стало понятно, что смысл реплики до адресата не доходит, а потому Израиль Иммануилович посуровел и очень внятно повторил сказанное на другой лад:

– Убери пушку, debil, а то останешься без ушей!

У грабителя от неожиданности отвисла челюсть.

Нужно признаться, что челюсть отвисла не у него одного. Ничего подобного я от Израиля Иммануиловича в жизни не слышал и не рассчитывал услышать, а потому тоже удивлен был крайне.

Тем не менее нужный эффект был достигнут: парень опустил оружие, и Израиль Иммануилович продолжил свою работу.

Он подошел к платформе транспортера – единственного,

пожалуй, хайтек-изделия в помещении (да и то декорированного по спецзаказу деревянными панелями и бархатом), набрал на клавиатуре нужную комбинацию, но прежде чем нажать на большую зеленую кнопку ввода, еще раз сверил переданный ему грабителем федеральный идентификационный номер с номером из кросс-референса и, с видом человека, добросовестно сделавшего свое дело, произнес:

– Вуаля! Номер 3622231-383/220866-Дакота. Розалия Шульцбредт. Уши. Оригинал. Примите и распишитесь!

Я посмотрел на молодого грабителя и увидел, как задвигался туда-сюда его кадык, затряслась голова, и подумал, что он вот-вот упадет в обморок.

...

Шторка транспортера открылась, и из его нутра, торжественно поблескивая стеклянными боками, выкатился контейнер.

Израиль Иммануилович осторожно взял его и, прежде чем поставить на стойку, включил встроенную подсветку.

Молодой человек смотрел внутрь, на предмет своего страстного желания, забыв про все на свете.

Это было зря, потому что следом за глубоко охлажденными ушами он увидел сицилийскую лупару, в обоих стволах которой были патроны с картечью.

...

Когда полиция заталкивала горе-налетчика в автомобиль, чтобы увезти в участок, тот совсем расклеился, плакал и кри-

чал, что это уши его любимой бабули, что он долго искал их по разнообразным каталогам, для того чтобы подарить ей на десятилетний юбилей.

...

На дверях магазина висела табличка: «Закрито», а мы с Израилем Иммануиловичем сидели в задней комнате и пили чай.

В мою чашку он подливал еще и венесуэльский ром, отчего настроение мое быстро улучшалось.

После непродолжительного обсуждения инцидента с ушами Розалии Шульцбрехт я спросил у него про обрез и про его склонность к подобным древностям.

Израиль Иммануилович вздохнул и посмотрел на меня со светлой грустью во взгляде.

– Эх, Йозеф, Йозеф! Вы еще так восхитительно молоды, что можете позволить себе не знать, что имея пистолет, вы имеете вместе с ним гораздо больше проблем, чем вы могли бы подумать. В самый интересный момент у вас может заклинить патрон в патроннике. Если вы носите патрон в стволе, вы можете забыть снять пистолет с предохранителя, а второй попытки у вас уже не будет. В конце концов, можно промахнуться и с трех шагов. Лупара же, мой мальчик, это совсем другая история. Совсем другая история...

Он помолчал немного, потом продолжил, рассеянно глядя куда-то мимо меня:

– Был прекрасный день, чтобы жить. Но в глазах этого

человека я увидел смерть. Он был хорошо одет, это я вам говорю. Очень хорошо одет. Он улыбался и был похож на безоблачное небо, но в глазах его была смерть. Он спросил у меня о том, о чем в этом городе знал только я. Он спросил у меня о том, о чем на этой Земле знал только я, потому что те, кто знали об этом кроме меня, уже умерли и умерли некрасиво.

Он снова замолчал, а я почувствовал, что весь мой хмель у меня из головы как ветром сдуло. Я не шевелился и почти не дышал, чтобы не спугнуть этого его внезапно нахлынувшего воспоминания.

– Он спросил у меня, куда пропал пенис Последнего Императора.

Я чуть слюной не подавился. Посмотрел на него: не шутит ли?

Нет. Израиль Иммануилович был совершенно серьезен.

– Китайского? – почему-то сорвалось у меня с языка.

Он глянул на меня и нахмурился.

– Надо полагать, Йозеф, учитель истории в вашей школе был большим другом вашей семьи, иначе я не представляю себе, как бы вы смогли сдать выпускной экзамен, – он осуждающе покачал головой. – Конечно нет! Вы ошиблись на сто лет. Этот император правил огромной страной, а какой – потрудитесь сами узнать при случае.

Потом он долго молчал, и я уже начал думать, что продолжения истории не дождусь, и всячески проклинать себя

за несдержанность, но Израиль Иммануилович вышел из задумчивости так же неожиданно, как и погрузился в нее.

– Смысла отрещиваться от того, что этот лот у меня, не было. Я хорошо знал, что сделали с людьми, которые так или иначе имели к нему отношение. Эти люди умели молчать, но тот, кто приходил к ним, умел развязывать языки, и теперь он пришел ко мне, и жить мне оставалось ровно столько, сколько контейнер будет ехать из хранилища.

Не знаю, какое уж было у меня в этот момент выражение лица, только, взглянув на него, Израиль Иммануилович повеселел.

– Да, молодой человек, встреча со смертью не всегда заканчивается похоронами, и я – лучшее тому доказательство! – он отхлебнул чая и многозначительно мне подмигнул.

Я понял, что рассказ самым диким образом скомкался, а значит, подробностей я уже не дождусь. Какая-то детская досада захлестнула меня, словно поманили меня конфеткой, а потом не дали.

– Но как? Как вы разобрались со всем этим?! – воскликнул я в отчаянии.

– Не я, а она! – старый еврей взял в руки свою лупару, погладил приклад, как бедро женщины, и хитро улыбнулся. – И Джокер.

– Какой еще Джокер? – я второй раз за день поймал себя на мысли, что Израиль Иммануилович умеет-таки издевать-

ся над людьми.

Тот встал из-за стола и поманил меня пальцем.

Я тоже поднялся, и мы прошли в еще одно помещение, в котором я не только ни разу до этого момента не был, но даже и не подозревал о его существовании.

...

Это была совсем маленькая комнатка без окон, совершенно пустая, если не считать еще одного транспортера, такого же, как в торговом зале.

– Специальный раздел, мой юный друг, – пояснил Израиль Иммануилович и быстро набрал на клавиатуре много-разрядный код, для надежности встав таким образом, чтобы я ничего не смог разглядеть.

Пока мы ждали приезда пениса Последнего Императора, я думал о том, что есть в людях какой-то изначальный дефект, который, сколько бы сотен и тысяч лет ни прошло, не дает им жить нормально. А потому будут они убивать друг друга из-за каких-то замороженных причиндалов каких-то императоров, хотя и свои причиндалы у них есть, и научно-технический прогресс позволяет иметь вообще какие хочешь причиндалы.

...

Контейнер с членом размерами оказался гораздо внушительнее, чем тот, в котором покоились уши фрау Шульц-брехт.

Когда же Израиль Иммануилович включил подсветку, я

просто обомлел.

Внутри лежало нечто более всего похожее на шланг черного цвета.

Я лихорадочно пытался представить себе, как *это* могло быть частью человека, – и не мог. К тому же, я ничего и никогда не слышал о чернокожих императорах с огромными пенисами, которые управляли огромными странами.

– Это что за фигня?! – снова вырвалось у меня.

Израиль Иммануилович засмеялся мелким смешком, словно закашлял.

– Это, мой милый Йозеф, не фигня. Это Джокер... – он смахнул с глаз набежавшую слезу. – Джокер в прямом и переносном смысле слова. В прямом смысле – это кличка жеребца, самого знаменитого чемпиона Эпсомского дерби, член которого вы и наблюдаете сейчас, а в переносном – потому что член этот играет плохую шутку со всеми, кто его видит впервые.

Я все еще ничего не понимал. Можно было, конечно, предположить, что Последний Император, обуянный манией величия в переносном и прямом смысле слова, стал пользоваться шлангом самого знаменитого скакуна для того, чтобы о нем слагали легенды, но спрашивать об этом у Израиля Иммануиловича было как-то неловко.

Надо полагать, все мои мысли легко читались у меня на лице, потому что он сам пришел мне на помощь.

– Не нужно так напрягаться мозгом, Йозеф. Вы пошли тем

же путем рассуждений, что и любой другой, и пришли, естественно, совсем не туда. Но ваше блуждание в догадках длилось пару секунд, а иногда пара секунд решает все, вы меня понимаете?

То, что момент первой демонстрации своего товара при необходимости использовался Израилем Иммануиловичем в качестве отвлекающего маневра, я уже понял.

Не понял я только одного: при чем тут шишка Последнего Императора?

Ответа на этот вопрос ждать долго не пришлось. Израиль Иммануилович совершил неуловимое движение рукой, и у контейнера с огромной черной колбасой внутри обнаружилось второе дно.

Я снова заглянул внутрь и вздохнул с облегчением: в потайном отделении контейнера лежал самый что ни на есть обыкновенный, бледный и сморщенный стручок. Глядя на него, я даже поймал себя на мысли, что «имперским величием» тут и не пахнет.

...

Вечером, ворочаясь в своей постели и пытаясь заснуть, я снова был атакован мыслями о том, что что-то со всеми нами, определенно, не так, если мы, сами того не замечая, превратили все в безумный цирк, гоняясь за деньгами, отращая в попытке убежать от старости лошадиные пенисы и устраивая танковые броски по засеянным пшеницей полям в Последней Битве за Последнюю Империю; если за краткий

миг своего нездорового удовлетворения мы готовы платить жизнями – и собственными, и гораздо более охотно – чужими.

Потом я подумал, что сегодня у меня была отличная возможность узнать из первых уст, как же все-таки Израиль Иммануилович решил открыть свой магазин, но я снова ее упустил.

Поначалу я даже испытал огорчение по этому поводу, но потом решил, что история, которую я слышал не раз и не два от разных людей, меня вполне устраивает, повернулся на правый бок и уснул.

–

2. Он был мне дорог как память

Сначала мне приснился долгий и нудный сон про путешествие: про самолеты, летающие чуть выше деревьев, а иногда и ниже – по просекам; про какие-то окруженные болотными кочками, сочной травой и пасущимися козами аэродромы, пересадки с блужданиями вверх-вниз и вбок по бесконечным коридорам и лестницам.

Потом мне приснилась странная вечеринка, где все, в том числе и я, точно знали, что закончиться она должна жуткой резней с морем крови, расчлененными телами и прочими ужасами, и все ходили, улыбались, ели и пили, внимательно наблюдая друг за другом, с двумя только мыслями в голове: кто убийца и как ловчее удрать, когда все начнется.

И наконец мне приснился Израиль Иммануилович, качав-

шийся с большой амплитудой в своем старинном деревянном кресле-качалке. Правда, делал он это как-то странно: голова была неподвижна, словно ее прибили к воздуху, а тело с креслом двигалось как маятник, издавая неприятный скрип.

Наблюдал я Израиля Иммануиловича в профиль, но при этом отчетливо видел его уставившийся на меня глаз – тот выглядывал из глазницы, как из-за угла.

Губы Израиля Иммануиловича шевелились, раз от раза повторяя одну и ту же фразу: «Ну вот, теперь и ты!»

Его зловещий шепот и непрекращающийся скрип заставили меня проснуться.

Я лежал, глядя, как по потолку ползают световые пятна от фар проезжавших по улице машин, и никак не мог понять, почему до сих пор слышу этот назойливый звук.

И тут до меня дошло, что я в комнате не один.

Я поднял голову и в полумраке увидел его – человека, истязавшего мой стул.

Довольно крупный тип в шляпе ловко балансировал на двух его ножках и при этом еще умудрялся то ли отработать цирковой номер, то ли делать зарядку, размахивая руками и дрыгая ногами.

Я хотел было сесть на кровати, но две сильные руки легли мне на плечи и грубо потянули обратно.

Стул завизжал, как кошка, которую прищемили дверью, и мне показалось, что прямо сейчас раздастся треск ломающейся древесины и грохот обрушившегося на пол тела, но

нет: незнакомец ловко приземлил страдальца на все четыре точки опоры, приподнял на пару секунд рукой шляпу, здороваясь, и я совершенно отчетливо услышал, как он чмокает губами.

Честно говоря, мне стало не по себе, оттого что квартира моя полна каких-то психов с непонятными намерениями, и почему-то припомнился сон про вечеринку с расчлененкой.

Я слушал, как ухает в ушах кровь, и пытался соединить обрывки несущихся в голове мыслей во что-то более или менее связное, но ничего у меня не получалось.

В изголовье кровати, на которой я лежал, *некто* дышал с присвистом, заполняя воздух запахом выкуренного табака и нездорового желудка, а сидевший в ногах человек в шляпе, кроме того что чмокал, как голодный вампир, зачем-то еще начал звучно хрустеть суставами пальцев рук.

Я чувствовал себя совершенно беззащитным. Я не знал, что мне делать.

Тем временем человек в шляпе придвинулся вплотную к кровати и потрогал меня за ногу.

Это было символично: точно так же паук ощупывает свою запутавшуюся в паутине жертву.

По телу моему побежали мурашки, я брыкнулся, отбросил его руку и снова попытался сесть, но, как и в первый раз, ничего у меня не вышло: тот, кто сидел в изголовье, опять навалился на меня, не давая подняться.

Я попробовал освободиться, но тщетно. Пахнувшая отвра-

тительным блендом туша навалилась на мою грудь так, что стало трудно дышать. Перед глазами у меня зажглись и заплясали фрактальной какофонией электрические дуги. Я хотел закричать, но смог произвести на свет только пузырящийся слюной хрип.

Вероятно, прозвучало это достаточно драматично, потому что человек в шляпе голосом негромким, но с выраженной начальственной нотой, промурлыкал:

– Аккуратнее, Марк, аккуратнее! Дайте мальчику продохнуть, разве вы не чувствуете, что он уже перепачкался от страха?

Возмущение взорвалось во мне как бомба, я даже кислородное голодание не так остро стал ощущать, потому что не было в этом утверждении ни капли правды. Ну, капля, может, и была, но не в том, конечно, смысле, что я обделался, а в том, что страх, совершенно естественный в таких обстоятельствах, имел место.

Вонючка Марк ослабил хватку.

Человек в шляпе тем временем миролюбиво продолжил:

– Вы нас извините, молодой человек, что мы без приглашения. Дело у нас к вам пустяковое, несколько вопросов всего. Однако должен вас заранее предупредить, что от того, как вы на них ответите, будет зависеть многое, очень многое, в том числе и ваше самочувствие.

Он снова зачмокал, словно тема моего самочувствия вызвала в душе его какой-то особый отклик, а у меня от этих звуков мороз пробежал по коже.

– Ну, для начала неплохо было бы услышать от вас, молодой человек, зачем вы сегодня заходили в известный вам, и, поверьте, нам тоже, магазин?

– Для начала неплохо было бы гориллу убрать, – ответил я, чувствуя, что окутавший меня смрад генерирует в солнечном сплетении растущие раз от раза волны тошноты. – Она у вас больна. Судя по запаху, у нее хронический гастрит на почве злоупотребления курением и алкоголем. А халатное отношение к животным, как вам должно быть известно, – это деяние, наказуемое буквой закона.

Могу поклясться, что я услышал, как замычали от натуги мозги Марка.

Между тем человек в шляпе, как и положено начальнику, продемонстрировал гораздо большую скорость мышления. Его горло странным образом заклокотало. Надо полагать, это был вариант смеха в его исполнении.

– Марк, мальчик шутит, и это хорошо. Я думаю, его можно отпустить.

«Отпустить» вышло у человека в шляпе задумчиво-растянутым. Очевидно, он понял, что эмоции свои я в общем и целом контролирую и истерично выбрасываться в окно не буду, но именно поэтому он, вероятно, тут же стал прикидывать, что, чего ему совсем бы не хотелось, я могу сделать уже совершенно сознательно.

Марк отполз на исходную позицию, и я наконец-то смог сесть и рассмотреть внимательнее человека, от которого за-

висело многое, очень многое, в том числе и мое самочувствие.

Затея эта, правда, не очень-то удалась.

Лица я почти не разглядел – мешали низкая освещенность и достаточно широкие поля сдвинутой на лоб шляпы. Единственное, что было видно совершенно четко, – это выпирающая вперед левая челюсть с раздвоенным подбородком. Детали фигуры скрывал плащ, но по его размеру, по размеру ладоней рук, которые (и это нетрудно было себе представить) при необходимости сжимались в огромные кулаки, становилось понятно, что ломать и калечить этот человек наверняка умеет и что злить его, по возможности, не стоит.

– Итак, повторяю свой вопрос: зачем вы сегодня заходили в магазин?

– Поздороваться.

– Просто поздороваться?

– Просто поздороваться.

Человек в шляпе хмыкнул, демонстрируя сомнение в моей искренности.

– А позавчера зачем вы заходили в магазин?

– Поздороваться.

– Просто поздороваться?

– Просто поздороваться.

В следующие пару минут человек в шляпе продемонстрировал удивительную осведомленность о графике моих визитов к Израилю Иммануиловичу, а заодно и удивительно

долгое свое терпение, потому что диалог наш раз за разом воспроизводился практически точной копией всех предыдущих, менялась только дата.

Я говорил правду, но понимал, что он нисколько мне не верит, мало того, я бы и сам не поверил, будь я на его месте – слишком уж глупо звучал весь этот допрос.

Наконец он устал. Протрубив губами отрывок какого-то марша, он щелкнул пальцами правой руки, и в тот же момент я почувствовал жгучую боль.

Это был Марк. Он знал, куда бить, этот вонючка Марк.

Выдержав паузу, человек в шляпе продолжил:

– Вы, возможно, невнимательно слушали меня, молодой человек. Вопросов мало, вопросы простые, но отвечать на них нужно правильно.

– А правильно – это как? – поинтересовался я, пытаюсь отдышаться.

– Правду, молодой человек, только правду и ничего, кроме правды! – смеясь, ответил он.

То, что дело я имею с подонками, мне было ясно, но я все еще никак не мог понять, кто они. Вроде не копы, и на бандитов не очень похожи. «Сикрет сервис»? Зачем «Сикрет сервису» старый еврей с его коллекцией белковых ужасов?

В очередной раз не продвинувшись в этих своих раздумьях ни на йоту, я вздохнул.

Человек в шляпе, вероятно, решил, что я готов говорить ему только правду, и одобрительно покачал головой:

– Итак, еще раз повторяю свой вопрос: зачем вы сегодня заходили в магазин?

– Поздороваться, – снова ответил я чистую правду с невеселой мыслью о том, что в этот раз подробно изучать последовательность моих походов в известный магазин мы уже не будем.

– Просто поздороваться?

– Просто поздороваться.

...

Меня всегда удивляла способность головного мозга по-разному воспринимать течение времени в зависимости от сопряженных с текущим моментом внешних обстоятельств.

Вот и в этот раз он подложил мне свинью, растянув все происходящее в мою персональную бесконечность.

Окружающий мир перестал существовать.

Губы трубили марши, пальцы щелкали. Боль металась по нейронам вдоль и поперек, наполняя собою все мое тело.

В одном из уголков сознания поселилось какое-то неуместно веселое удовлетворение тем фактом, что лицемерные приличия отброшены и что каждый теперь может говорить на своем настоящем языке.

В другом уголке продолжала накапливаться поступающая на вход информация. Ее было много, и она была разная. Кое-что я уже слышал, и не раз, ну, например, то, что я – «мелкий сучонок», а кое-что было новым и интересным. Например, то, что Израиль Иммануилович якобы является членом

какого-то серьезного синдиката и что он только с виду такой мягкий и пушистый; что все попытки установить у него в магазине самые хитроумные прослушки и скрытые видеокамеры провалились, потому что старый хрыч – настоящий профи в таких делах.

Осмысление всего этого было делом будущего, а пока приходилось мучиться.

Я говорил этим глупцам, что они глупцы, если не понимают, что такое дружба; что если лежащего на асфальте мальчишку двенадцати лет пинают трое двадцатилетних жлобов, у которых и ножички за пазухой есть, а потом приходит кто-то и спасает его, то этот кто-то становится для мальчишки другом на всю жизнь.

Я говорил этим глупцам, что они глупцы, если не понимают, что в ранце за плечами можно носить не только не облагаемые налогами уши фрау Шульцбрехт, но и реферат по теории многослойных пластин, и учебник Хермандера по введению в математический анализ.

...

– Зачем ты этим вечером в сети про Последнего Императора справлялся?! И только не говори мне, что восполнял пробелы в образовании! – человек в шляпе рычал, от его патернализма не осталось и следа. Он так завелся, что до меня долетала его слюна.

Между тем этот вопрос помог остаткам моей раздробленной болевым шквалом логики скомпилировать версию того,

зачем здесь эти двое.

Удавка на моей шее ослабла. Мне давали возможность ответить.

– Вы, дяденька, поражаете меня своей способностью отвергать очевидное, – сказал я и не узнал свой голос – настолько он ослаб.

На мгновение мне стало себя жаль, захотелось снова быть маленьким, заплакать и спрятаться в защищающих от всех бед маминых объятиях.

Потом пришла волшебная злость. Она освободила меня, отделив дух от бесполезного тела. Мой дух был зубаст, он откусил у человека в шляпе половину лица.

...

– Я забью тебя до смерти, малыш. Поверь, так или иначе ты мне все расскажешь! – его глаза светились, как два прожектора.

Я поднял правую руку и поднес оттопыренный средний палец прямо к его лицу.

Обтекаемая столбами белого сияния рука моя была тонкой, как спичка.

...

Жизнь без среднего пальца правой руки была явно хуже, чем с ним.

Мразь в шляпе ждала ответа.

Отделившийся от тела дух с интересом наблюдал за тем, как залитая кровью кукла, зашевелив порванными губами,

прохрипела:

– Он был мне дорог как память. Мама ваша очень любила на него присаживаться...

Затем были взрыв, дым и полный бардак.

А посреди этого бардака качался в своем старинном деревянном кресле-качалке Израиль Иммануилович, таращился одним глазом и без конца повторял: «Ну вот, теперь и ты!»

–

3. Если чудеса, то настоящие

Боб был островитянином с совершенно непроизносимым именем букв этак из пятнадцати, преимущественно гласных. А поскольку среди этих букв присутствовали литеры «Б» и «О», то мы звали его просто Боб.

Боб был, мягко говоря, невысок ростом, и даже огромная копна черных кудряшек качественно ничего не меняла. Эта физическая кондиция весьма часто создавала ему разного рода проблемы. Обычно проблемы эти разрешались тихо и мирно, но иногда случалось по-другому: этот милейший человек, учившийся на филологическом факультете нашего университета, превращался в маленького дьявола и, вереща что-то на своем птичьем языке, вытворял такое, что всем тем, кто это видел впервые, и тем более тем, кому это уже приходилось наблюдать раньше, становилось понятно, что с ним лучше не связываться.

Боб верил в какого-то могущественного бога, жившего внутри вулкана на их острове, и нрава был соответствующе-

го: вспыхнет, выплеснет из себя все свои эмоции – и остынет.

Да, так оно и было. Но после происшествия в стрип-клубе «За правой щечкой», когда какие-то отморозки поставили ему на голову, как на стол, кружку пива, и последовавшей за этим драки с поломкой инвентаря, битьем посуды и ночью в камере предварительного заключения, что-то в нем изменилось.

Жизнелюб с ярко выраженной реакцией на длинноногих грудастых блондинок стал молчаливым и замкнутым. Бог из вулкана, вероятно, нашептал ему что-то, потому что Боб, по словам одного нашего общего товарища, сошедшегося с ним ближе, чем кто-либо другой, решил, что это «вместилище порока», а именно так он стал называть стрип-клуб после того случая, должно быть уничтожено. Решил – и начал собирать бомбу.

Я между тем был беспечен и считал разговоры про эти его намерения выдумкой, хотя, имея перед глазами кое-какие мелочи-подсказки, мог бы и озаботиться: Боб был моим соседом и жил за гипсовой перегородкой.

Но нет худа без добра. Как выяснилось, бомба была, и что-то там Боб перемудрил или, наоборот, не рассчитал, потому что она самопроизвольно взорвалась в нужный момент. Правда, если бы она взорвалась немного пораньше, я был бы только «за», потому что при таком раскладе мой средний палец имел шанс остаться при мне.

...

Понять выражение глаз доктора, смотревшего на меня сквозь толстые линзы очков, не представлялось возможным, однако по лицу его, источавшему торжественную печаль, можно было делать кое-какие прогнозы о будущем вердикте. Моя медицинская карта лежала у него на коленях, он закончил листать ее уже пару минут назад, но почему-то до сих пор молчал. Вероятно, слова «мы сделали все, что могли, но, к сожалению...» все еще давались ему с трудом.

Тела своего я не чувствовал, на прямой связи с головным мозгом были только веки. Они были тяжелые и поднимались и опускались ценой больших усилий. Объяснение представлялось мне простым: я был накачан анальгетиками для облегчения страданий перед неизбежной своей кончиной.

Удивительно, но подобная перспектива не вызывала во мне никаких эмоций. К предстоящему своему переходу в небытие я был равнодушен. Хотелось только, чтобы в момент этот, вместо похожего на стрекозу дипломированного специалиста по человеческим недугам, присутствовала бы около моего ложа прекрасная дева в коротком белом халатике с глубоким вырезом на груди, белом же колпачке с ярко-красным крестиком на лбу и раскрашенными в цвет крестика пухлыми губками и ноготками...

– Кхм! – доктор прервал мои грезы в тот момент, когда я увлеченно созерцал капельку пота, скользящую в направлении центра Земли по ложбинке между двумя теплыми холмами,двигающимися вместе с учащенным ее дыханием.

Я открыл глаза.

Кривящийся улыбкой большой тонкогубый рот заявил мне, что жить я буду, и тем дольше, чем лучше научусь выбирать себе соседей, что опасных повреждений внутренних органов у меня не обнаружено и что самые серьезные мои проблемы – это контузия и потеря пальца на правой руке. Далее последовало описание предполагаемого лечебного процесса, но я уже не слушал – во мне внезапно появилось и на удивление быстро стало расти раздражение, не оттого, конечно, что я так ошибся в прогнозах своего собственного будущего, и даже не оттого, что не дали мне досмотреть мою чувственную фантазию с медсестрой, а потому что этот похожий на насекомое умник позволил себе в каком-то чересчур игривом тоне высказываться о вещах, о которых он не имел ни малейшего представления и по отношению к которым подобный тон был совершенно неприемлем. На светлую память о Бобе наступила нога в грязном сапожище, а моя героическая стойкость в противостоянии двум неизвестного происхождения негодьям и вовсе осталась за кадром – было от чего разозлиться.

– Мы вас на ноги поставим, – доктор ободряюще оскалился, показав свои шикарные керамические зубы, – можете не сомневаться!

Я хотел было сказать ему, что еще немного – и я сам, безо всякой посторонней помощи, поднимусь и уйду отсюда, только чтобы избавить себя от нужды созерцать его лицо и

слушать его речи, но не стал, потому что он, словно читая мои мысли, вдруг заторопился на выход и, помахав мне ручкой от самой двери, удалился.

В голове моей воцарилась тревожная неразбериха. Жизнь продолжалась, порождая массу вопросов, ответов на которые не было. Настроение стало стремительно падать, и появились первые признаки головной боли, которая обещала быть адской. Я с тоской подумал о том, что у меня не было никакого желания прыгать в окно тогда, когда меня запросто могли убить, а сейчас, когда впереди обозначилась перспектива долгих лет (при условии правильного подбора соседей), мне этого почему-то ужасно захотелось.

Я представил себе, как отрываю от тела все эти трубочки и проводки, хватаю мерзко пищащий плоской линией монитор осциллографа, разбиваю им оконный стекло-пакет, а потом разбегаюсь и головой вперед выбрасываюсь наружу. Полет до мостовой короток, но в эти мгновения я снова вижу два теплых холма,двигающихся вместе с учащенным ее дыханием.

В этот момент в палату вошла она – девушка из моих видений: длинные ноги, губки бантиком, колпачок с крестиком и короткий халатик с глубоким вырезом на груди.

Не могу сказать, что я как-то очень уж обрадовался – все силы ушли на злость, но выпрыгивать из окна я передумал.

...

В палате, разделенной на части плотными занавесками,

нас было трое: я лежал посередине, напротив двери, справа от меня – какой-то чернокожий хулиган с пулевым ранением груди, а слева – трансвестит, которого выбросили на ходу из лимузина.

Хулиган все рассказал о себе сам. Ему было скучно пребывать в бездействии, не толкать «на своем районе» кокс, не избивать должников, не демонстрировать восхищенным девочкам широко растопыренные пальцы в перстнях и массивную золотую цепь вместе с новым четырехсотсильным желтым кабриолетом. Поэтому он болтал без умолку.

Трансвестит разговаривать не мог – у него была сломана челюсть. Подробности о нем я узнал от Анжелики – той самой медсестры, которая явилась ко мне в тяжелую для меня минуту.

Тут, правда, нужно уточнить: явилась она не только ко мне, а ко всем нам, и исключительно как медсестра, хотя, если честно, глядя на нее, можно было подумать, что эта профессия – отнюдь не главная для нее. Впрочем, может быть, подобные подозрения и не были безосновательными, так мне, во всяком случае, казалось, когда Черный Брат, следуя своему основному инстинкту, всякий раз, когда она приходила делать ему уколы, откровенно заигрывал с ней, а Анжелика очень уж искусно умудрялась проходить по самому краю, в том смысле, что и не отвечала ему взаимностью, и одновременно своими действиями как бы провоцировала его.

По поводу Брата замечу, что поначалу ни о каком меж-

расовом родстве речи не было, даже наоборот: из-за своей занавески этот сын улицы демонстрировал по отношению ко мне и трансвеститу гипертрофированное презрение, а когда я предложил ему сходить подальше – долго грозил мне страшным мщением при первой же возможности. Все удивительным образом изменилось, когда он услышал, как наша прелестница передавала мне приветы и пожелания скорейшего выздоровления от Израиля Иммануиловича. Я, конечно, не сразу связал эти два события, но позже понял, что такое волшебное превращение произошло именно из-за магического воздействия имени и отчества хозяина магазина подержанных членов.

...

Анжелика уже минут пять возилась с соседом слева от меня. Довольно четко слышался странный набор звуков: сопение, чавканье какое-то, скрип кровати и тихие стоны. Мне было все равно, но Черный Брат тоже слышал это, и *это* почему-то сильно его возбудило в каком-то нехорошем ключе. Он начал беспокойно ворочаться на своем месте, тихо ругаться, и в конце концов не выдержал.

– Слушай, брат, по-твоему, чем они занимаются? Если бы я не знал, что там две фактические бабы, то подумал бы, что это кто-то кому-то вставляет!

Он, конечно, понимал, что Анжелика прекрасно слышит его, и, вероятно, рассчитывал хоть на какой-то ее отклик, но ошибся: ответа не последовало, а странные звуки продолжа-

лись, оставив всю его мальчишескую ревность при нем.

– Черт! Теперь понятно, почему она не реагирует на нормальных парней! – продолжил он с досадой. – Хотя, брат, скажу честно, каждый раз, когда эта цыпочка дотрагивалась до моей задницы, для того чтобы протереть ее спиртом перед внутримышечной пилюлькой, она это делала так, что я всерьез думал, что мужиков трогать за жопу или еще там за что ей очень даже нравится. А оно вот, значит, как!

Он снова довольно жестко выругался и сердито засопел.

– Не парься, – ответил я, отметив полное совпадение наших эмоций по поводу ласковых рук Анжелики, – мало ли что она там делает. Когда тебе клизму вставляли, ты тоже пыхтел так, что при желании можно было нафантазировать все что угодно.

За левой занавеской прыснул короткий смешок, и аккомпанементом к нему послышалось продолжительное глумливое угуканье загипсованной челюсти.

– Да пошел ты!.. – Черный Брат был предсказуем в своей рефлексии, но по голосу его стало понятно, что накал молодецких страстей пошел на убыль.

Цели я достиг: он замолчал, поэтому я смог продолжить свои прерванные размышления про наличие миниатюрного пистолета двадцать второго калибра у Анжелики под халатиком, в потайной кобуре на правом бедре. Я узнал о нем случайно, когда, просыпаясь пару дней назад после дневного сна, открыл глаза и увидел, как она поправляет свои чулоч-

ки. Я, конечно, не стал обнаруживать перед ней этого своего открытия, а заметила ли она, что ее секрет уже не секрет, – кто знает? Но занимало меня не столько то, что она оказалась не просто медсестрой, а приставлена ко мне кем-то для охраны (другие варианты мне просто не приходили в голову), сколько то, что буквально накануне посещали меня мысли о необходимости иметь хоть какое-то прикрытие, потому что люди, приходившие ко мне домой, могли достать меня и здесь. Явление, которое я пытался теперь себе объяснить, заключалось в том, что мои желания в последнее время стали каким-то чудесным образом исполняться. Конечно, это могли быть и простые совпадения, но про них можно было сказать только то, что ничего подобного со мной еще никогда не случилось.

Чудеса чудесами, но закончилось все как обычно: я снова начал думать об Израиле Иммануиловиче и о том, кто же он такой на самом деле.

Суммируя все полученные мною за последнее время сведения, я приходил к однозначному выводу, что этот тихий человек был фигурой гораздо более значительной, таинственной и мрачной, нежели я предполагал до сих пор. История с дудкой Последнего Императора очень болезненным образом приоткрыла мне дверь в тот темный мир, в котором он обитал, и не только приоткрыла, но и обозначила мое участие в цепочке событий, конец которой был еще впереди. Конец этот меня очень даже интересовал, и, понимая, что га-

даниями можно заниматься еще очень долго, я совершенно укрепился в своем намерении при первой же возможности составить с Израилем Иммануиловичем откровенный разговор и узнать все-таки, во что он меня втянул, пусть даже и случайно.

...

Я сидел на кровати и смотрел на большой букет белых роз с прикрепленной к нему открыткой, на которой типографским шрифтом было отпечатано послание от мамочки.

«Милый, мы с тобой!» – в этом была она вся.

Я без особого труда мог представить себе эту картину: где-то далеко-далеко, в теплых тропиках, плывет по морю яхта, мерцают звезды, покрасневшие от температурной обработки лобстеры раскинули на больших тарелках клешни и усы, со дна запотевшего бокала с Louis Roederer¹ поднимаются пузырьки, а она, прижимая спутниковый телефон к уху одной рукой, держит в другой бумажку с распечаткой электронного письма от личного секретаря, в котором тот информирует ее о моих проблемах, и дрожащим голосом диктует ему же наказ обеспечить меня колючим венником и текст послания, которое к этому веннику необходимо присовокупить.

В моих взаимоотношениях с матерью не было надрыва и каких-то детских и подростковых крайностей, которые так любят показывать в кинофильмах. Не ее вина, что своего родного отца я не знал.

Многие назвали бы мою мать легкомысленной из-за того

только, что замуж она выходила несколько раз. Я, конечно, так не считал, поскольку знал наверняка, что все эти браки случались исключительно вследствие любви. Правда, когда я подрос настолько, чтобы начать рассуждать о таких вещах, я почему-то пришел к выводу, что любовь ее имела какой-то животный оттенок (не в узком смысле этого слова, конечно).

Она была добра, и жизнь в конце концов наградила ее достойным мужчиной, который не стал пытаться заменить мне отца и выстраивать «полноценную семью». Он обеспечивал стабильный остаток на моей банковской карте и никак не вмешивался в мои взаимоотношения с матерью. Я мог в любой момент прийти к ним в дом, оставаться там сколько захочу и просить все, что мог бы попросить его родной сын, с тем же самым результатом. Он был веселым человеком, но просто так не болтал никогда. Я его уважал, а единственная претензия, которую я мог бы ему предъявить, заключалась в том, что большую часть времени он вместе с матерью пропадал в каких-то экзотических уголках шарика, и приключения их зачастую носили экстремальный характер.

Я сидел на кровати, смотрел на розы и думал о двух вещах: о том, что мне гораздо предпочтительнее было бы иметь теперь на этой тумбочке бутылку скотча вместе со стаканом, пачкой сигарет, зажигалкой и пепельницей, и о том, что трудно было бы ожидать такого же хода мыслей от родной матери. Видение было ярким. Его возможную материализацию можно было бы рассматривать как еще одно доказательство

моих недавно приобретенных сверхспособностей.

...

Скотча я не дождался, зато дождался одной потрясающей и очень приятной новости: Бог ли из вулкана в этом поучаствовал или еще кто-то, но только в момент взрыва бомбы Боба, которого я уже оплакал как мог, дома не оказалось. Он пришел в больницу навестить меня, и это было настоящее чудо.

—

4. Черное и белое

Размышлять о чем бы то ни было, в том числе и о природе человеческих страстей, лучше всего с мешком на голове. Это я понял, когда меня везли обратно.

А поначалу, по дороге туда, я был в тихом бешенстве, после того как два стокилограммовых бородатых молодца в кипах, с блуждающими в их черных курчавых бородах то ли сочувственными, то ли ехидными улыбками, поместили меня на заднее сиденье видавшего виды пикапа, в кузов которого было загружено серьезного вида строительное оборудование, а сами уселись по бокам и без всяких там «извините» и «позвольте» натянули на меня эту видавшую виды дерюгу, где еще совсем недавно, судя по остаткам мелкой шелухи, тут же набившейся мне за шиворот и в нос, хранились какие-то злаки. Они сдавили меня своими могучими плечами и всю дорогу мило болтали друг с другом, на иврите, надо полагать, весело похохатывая время от времени. И ведь я

не то чтобы претендовал на эксклюзивное к себе отношение, черную шелковую повязку на глаза, присказку «сэр» и что-нибудь попрестижнее этой гремящей на каждой кочке развалюхи – вовсе нет, однако тот факт, что проблема моей транспортировки до пункта назначения была решена как-то уж совсем задешево, с какой стороны ни глянь, не только изрядно меня разозлил, но и вызвал череду очень нехороших мыслей, последняя и далеко не худшая из которых была о том, что неплохо было бы, чтобы все имеющие отношение к этой спецоперации персоналии шли к черту.

Ехали долго, поэтому к моменту прибытия эмоции мои поутихли.

Очутились мы далеко за городом, в каком-то очень уединенном месте, где гряда высоких холмов подходила к самому морю. На вершине одного из них стоял небольшой двухэтажный дом с белеными стенами, покрытый черепицей, в окружении пиний и кипарисов. По глубокой голубизне неба плыли мелкие облачка, в воздухе витал острый запах сосновой смолы, свежий морской бриз шумел в ветвях, и я, ослепленный солнечным светом и всей этой открывшейся мне красотой, тут же забыл о своей недавней обиде.

Впрочем, подобные мои восторги не помешали мне отметить, что чудный домик имел толщину стен совершенно избыточную для нашего климата, что все подходы и единственная дорога к нему очень хорошо просматривались, а значит, ничуть не хуже простреливались, и что такое его местополо-

жение при необходимости позволяло держать в нем оборону сколько угодно долго.

На большое крыльцо вышла строгого вида старушка в черном. Вместе с ней появился, неспешно переступая с лапы на лапу, седой масти пес, возраста, судя по его виду, не менее почтенного по собачьим меркам. Оба внимательно посмотрели на меня, а пес еще и обнюхал основательно, раздувая влажные ноздри.

Один из двух опекавших меня самсонов быстро приблизился к ним и о чем-то негромко спросил бабульку. Та кивнула и так же негромко что-то ему ответила. Он почтительно ей поклонился, после чего обернулся ко мне, махнул рукой, указывая путь, и двинулся по вымощенной камнем дорожке в обход дома.

Я последовал за ним.

На заднем дворе, как я и предполагал, обнаружился небольшой бассейн с плавающим по поверхности лазурной воды устройством для сбора мелкого мусора: опавших листьев, иголок и всего такого прочего. Двигаясь зигзагом от бортика к бортику, устройство это было похоже на диковинного морского гада.

Рядом с бассейном стояла пара деревянных шезлонгов и несколько кадок с стриженной в форме разных геометрических фигур туей. С этой стороны вся стена дома была увита плющом, а внизу, под окнами, росли большие кусты роз.

Мы прошли дальше, мимо хозяйственных построек, на

крыше одной из которых была развернута в сторону моря внушительных размеров солнечная батарея, и, миновав теннистую полосу раскинувших свои кроны старых пиний, вышли на противоположный склон холма.

Вид на окрестности отсюда был скучноват: безлесая, поросшая короткой жесткой травой, дикой ежевикой и кактусами пустынная местность простиралась вокруг насколько хватало глаз. Чуть ниже по склону, там, куда спускалась начинавшаяся здесь же узкая тропинка, я увидел Израиля Иммануиловича, который сидел на маленьком раскладном стульчике под белым в голубую полосу пляжным зонтом. Прямо перед ним в земле была вырыта яма. Рядом лежала молодая сосенка, корни которой, вместе с комом почвы на них, были обернуты полиэтиленом. Я почему-то сразу подумал, что яма эта слишком велика и глубока для того, чтобы сажать в нее дерево, и что на могилу она похожа гораздо больше.

Мысль эта тотчас пробудила во мне болезненное предчувствие неумолимо надвигающейся беды.

Заметив нас, Израиль Иммануилович поднялся и стал ждать, пока мы подойдем. С того момента, как я вышел из больницы, прошло без малого три месяца, и многое уже успело за это время случиться, в том числе и операция по возвращению на место точной биологической копии моего утерянного пальца, однако пообщаться толком друг с другом нам, до этого дня, никак не удавалось. Пожимая ему руку, я заметил, как сильно он изменился: осунулся и зримо по-

старел. Выражение ироничной отстраненности от суеты мира сего исчезло с его лица, и теперь на нем лежала печать озабоченности.

Израиль Иммануилович первым делом осмотрел мой новый палец и два раза одобрительно угукнул.

Мне, вероятно, следовало откликнуться на это выражением благодарности за его деятельное участие в моей судьбе, особенно в решении вопросов, связанных с подключением к процессу реабилитации высококвалифицированных специалистов в области селф-констрактинга, но я ничего не мог с собой поделаться: взгляд мой притягивала зияющая в земле зловещая дыра за его спиной.

Он заметил это и, повернувшись боком, жестом пригласил меня подойти поближе.

...

Оба самсона, Израиль Иммануилович, я и прибежавшая к нам собака стояли на краю ямы и смотрели вниз, на дно, туда, где лежали останки грузного мужчины в шикарном прикиде. На теле покойного был темно-синий в широкую полоску шелковый костюм и красный в серебристый горошек галстук поверх белоснежной сорочки, а на ногах – восхитительные остроносые черные лаковые туфли со шнурками. Казалось, что его привезли сюда прямо со свадьбы или с какого-то сборища жутко важных персон. Голова трупа была замотана пропитанной кровью наволочкой, скрывавшей лицо, а прямо поверх наволочки была натянута шляпа. Та самая.

До этого момента я довольно часто думал о том, что было бы здорово поквитаться с двумя подонками, которые пытали меня той приснопамятной ночью, но при этом никакие конкретные мысли, как это сделать, ко мне не приходили. Мечь представлялась мне сладкой, как мороженое с кленовым сиропом, потому что мечь была просто словом.

Теперь же, стоя над поверженным злом, я не чувствовал ничего, кроме холодной пустоты в душе и жгучего желания отмотать время назад – туда, где еще не было этого ощущения ошеломляющей абсурдности происходящего, гнусности собственного бессилия что-либо изменить, понимания страшной неразрывности конечности и бесконечности и того, что переход из одного в другое быстр и прост, как прощальный стук двери.

Чем дольше я смотрел на покойника, тем больше крепла во мне уверенность в том, что настоящего хозяина шляпы в могиле не было. А это означало, что сумасшедший поезд, вышедший из пункта «А» и везущий всех своих пассажиров, в том числе и меня, в черную дыру, только начал набирать ход, и настоящее «веселье» было еще впереди.

Израиль Иммануилович подал знак – и добрые молодцы в кипах дружно взялись за лопаты. Через пять минут красный в серебристый горошек галстук был засыпан сверху почти двумя метрами грунта, и над ним было высажено и основательно полито из заранее проброшенного сюда шланга маленькое красивое дерево. Оно вытянуло свои ветви к солнцу

точно так же, как и все ее подружки-сестрички, которые уже росли здесь, на этом холме, одни давно, а другие не очень.

И оставалось только догадываться, сколько еще таких же секретов скрывается в их корнях.

За все это время никем не было сказано ни слова, только пес временами принимался скулить и беспокойно жаться к ногам Израиля Иммануиловича, а тот ласково трепал его по холке, успокаивая.

Внезапно я почувствовал огромную усталость. Ужасно захотелось спать.

...

Все оказалось гораздо хуже, чем я предполагал. Точнее, все оказалось хуже некуда.

Рассказ Израиля Иммануиловича мог бы ввергнуть в истерику человека куда более сдержанного, чем я, но хозяин магазина подержанных членов был по-житейски мудр, а потому воспользовался старым как мир способом демпфирования стресса. Он снова угостил меня своим чудесным ромом, и проникшие в головной мозг молекулы этилового спирта сделали свое дело: я остался спокоен.

То, что он говорил, было похоже на бред. В любой другой момент я бы подумал, что он просто сошел с ума. Но после всего того, что случилось со мной в последнее время, я чувствовал, что во всем этом бардаке есть какая-то пока еще ускользавшая от меня логика.

Начал он с того, что попросил не перебивать его вопроса-

ми, которых у меня к нему, по его разумению (и в этом он был абсолютно прав), накопилось немало, тем более что ответы на некоторые из них я смогу найти в его повествовании.

Потом Израиль Иммануилович прочитал мне пространную лекцию о роли мифов в истории человечества, причем копнул глубоко: было там и про мотивационную подсистему нашего интеллекта, которая посредством формирования абстрактных образов-целей заставляет нас предпринимать действия, направленные на достижение этих целей, и про обратную корректирующую связь – способность критически оценивать эти самые абстракции, чтобы времени попусту не тратить, и про то, что во все времена эта обратная связь была главной мишенью тех, кто хотел управлять людьми. А поскольку без неприкрытого насилия ликвидировать эту обратную связь невозможно, так как она напрямую связана с механизмом принятия решения тем, что выдает ему на вход аргумент «за» или «против», то, для того чтобы контролировать процесс целеуказания, нужно было каким-то образом осуществить подмену критического анализа на нечто менее рациональное и более лояльное. И что такая замена нашлась, и имя ей – вера, которая, как известно, стоит на наборе аксиом, а тот, кто формулирует аксиомы, тот, соответственно, нужным образом программирует массив значений «за» и «против» аргумента, а значит и поведение человека. И про мифы, которые суть скрепляющая аксиомы среда, облегчающая их восприятие. Этаким кекс формы, содержащий в себе

ИЗЮМ СМЫСЛА.

«Кекс, содержащий в себе изюм» произвел на меня тяжелое впечатление. Я хотел слушать объяснения по поводу того, что я тут делаю, по поводу того, кого только что закопали на склоне холма, что это за дом, что это за бородатые амбалы-близнецы с физиономиями разбойников, где спрятан пулемет, есть ли тут подземный ход, по которому можно удрать, когда держаться уже не будет сил, – я много чего хотел услышать, но только не про кекс и не про изюм!

Вероятно, физиономия моя совсем скисла, потому что Израиль Иммануилович подлил мне рома и попросил набраться терпения.

Он еще немного помучил меня экскурсом в мифологию, в социальный ее раздел, рассказав, как с самых древних времен мифы верно служили правителям, а те, в свою очередь, всячески поощряли и лелеяли подобное мифотворчество; как хилые карлики превращались в богатырей, тупицы – в мудрецов, уроды – в красавцев, импотенты – в неотразимых обольстителей, а бессовестные и лживые – в образцы чести и совести; как мифы эти охранялись даже лучше, чем сами правители, поскольку они работали не столько на какую-то конкретную персону, сколько на институт в целом; про то, что с желающими развенчать такие мифы во все времена поступали одинаково – их убивали.

...

– Сакральность! – Израиль Иммануилович многозначи-

тельно поднял вверх указательный палец. – И уже ни у кого и никогда не появятся в голове глупые фантазии о том, как Его Величество страдает в туалете от несварения, объевшись белужьей икры. . .

Он посмотрел на меня лукаво и спросил, пожевав губами.

– Простите меня за мой вопрос, Йозеф, и ни в коем случае не считайте, что в нем есть какой-то подвох: о чем вы думаете, когда расчесываете Овечку?

Он не переставал меня удивлять, этот старик. Я замешкался, но не потому, что испытывал какие-то затруднения с темой, а потому, что не мог вот так сразу сообразить, какое это имеет отношение не только к моим оставшимся без ответа вопросам, но даже ко всей той ереси, которой он меня потчевал почти полчаса.

Израиль Иммануилович ждал. Мне даже показалось, что он улыбается кончиками губ.

– А ни о чем уж я не думаю тогда! – ответил я чистую правду, выпил залпом остатки рома и подумал, что внезапно вырвавшийся у меня пятистопный ямб вполне уместен в этом сумасшедшем доме.

Израиль Иммануилович удовлетворенно кивнул.

– Да, конечно. Так и должно быть, ведь вы, Йозеф, находитесь в той замечательной поре, когда обладание женщиной является сильнейшей страстью, волнующей сердце мужчины, – о чем тут еще думать? Но поверьте мне, только настоящая любовь позволит сохранить эту страсть до отмеренного

вам срока. В противном случае вы пойдете по проторенной дороге, ведущей в никуда.

Я в отчаянии посмотрел на него, все еще не понимая, к чему он клонит.

– Обычное дело, – продолжил он после недолгого молчания. – Когда вы пресыщаетесь женщинами, вашей следующей страстью становятся деньги. Большие деньги смогут дать вам многое. Они даже смогут дать вам власть над другими людьми и возможность вершить их судьбы. Но когда вы войдете во вкус, вы поймете, что власти, которую дают деньги, всегда мало, что всегда есть куча каких-то глупых препятствий, каких-то законов, на которые так или иначе вам приходится оглядываться, а самое главное – всегда есть некая сила, против которой все ваши деньги – ничто. И тут вами овладевает самая пагубная человеческая страсть – жажда власти ради власти, жажда самому быть и буквой закона, и его мечом, потому что выше этого в нашем трехмерном мире уже ничего нет, даже Бога, который так и остался на уровне плоскости листа бумаги со словами своего завета. Но знайте: забравшись на вершину пирамиды, вы уже никогда не сможете расчесывать Овечку и не думать ни о чем.

– Бедная Овечка! – пробурчал я себе под нос.

Израилю Иммануиловичу моя реплика понравилась, он засмеялся, и я увидел его прежнего, такого, какого знал всю жизнь.

...

Собственно, на том и закончилось его пространное повествование о людях-нелюдях и окружающих их мифах и тайнах, которые живут очень долго, гораздо дольше своих героев, и так же долго охраняются от всяческих посягательств теми, кто хочет, чтобы память о «величии» и «великих», а значит и возможность их реинкарнации, жила вечно.

Далее Израиль Иммануилович поведал мне захватывающую историю о том, как после смерти Последнего Императора его погруженное в криогенный саркофаг тело было запущено на орбиту вокруг Луны и летало там десятилетиями, пока не было похищено какими-то лихими людьми, не пожалевшими денег на космическую экспедицию. Цель похитителей так и осталась загадкой. Может быть, они хотели получить выкуп от потомков Последнего Императора, которые были очень и очень состоятельными людьми, а может быть, уничтожить раз и навсегда биологический материал их предка – оживленная дискуссия на эту тему велась в средствах массовой информации несколько недель. Однако интригующая завязка закончилась ничем, шумиха постепенно утихла, и единственным осязаемым итогом этого триллера стало то, что с тех самых пор ни широкой публике, ни специалистам о судьбе тела ничего не было известно.

И только в не столь отдаленном прошлом на черном рынке материалов селф-констрактинга появился таинственный продавец, желавший реализовать полученный им по наследству пенис Последнего Императора. В кругу торговцев по-

добным товаром это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Правда, скептиков, которые считали, что вся эта затея и яйца выеденного не стоит, было подавляющее большинство. Однако проведенные генетические экспертизы показали, что лот был подлинным, и на состоявшемся теневом аукционе консорциум заинтересованных лиц, в число которых входил и Израиль Иммануилович, выкупил его у владельца.

А потом случилось непредвиденное: один за другим были убиты все члены этого консорциума. Все, кроме Израиля Иммануиловича.

Поскольку поименный список новых хозяев был тайной за семью печатями, поначалу возможные причины произошедшего никак не связывали с состоявшимся ранее аукционом. Наиболее правдоподобной представлялась версия мести какой-то новой ультра-экстремистской группировки, возможно антисемитского толка, потому что регулярные выступления подобных группировок против «дьявольского» селф-контрактинга были делом привычным.

От этой версии отказались, когда во время очередного налета один из нападавших был убит, а его труп не был сообщниками изъят с места происшествия. После проведения расследования выяснилось, что тело принадлежало человеку, проживавшему на территории страны, которая в прошлом была частью Последней Империи. По данным правоохранительных органов этой страны, погибший ее пределов не покидал и находился на суверенной территории, из чего можно

было сделать вывод, что человек этот в момент смерти находился здесь нелегально.

Позже силами друзей из спецслужб была получена достоверная информация, что покойный никак не связан с темой селф-констрактинга, и от версии о злобных конкурентах, учинивших кровавую охоту за членом, также пришлось отказаться.

Однако исключительно жестокие убийства продолжались, и причину их нужно было найти, чтобы выстраивать хоть какую-то контрстратегию. Снова пришлось обращаться к друзьям, да еще и со специальной «присказкой» с приличным количеством нулей.

«Присказка» сработала. Через некоторое время в руках у Израиля Иммануиловича была папка с подборкой документов, проливающих свет на это дело. Из консорциума инвесторов в пенис Последнего Императора на тот момент оставались в живых трое. Им-то и предстояло узнать чрезвычайно неприятную правду. Все они были под прицелом серьезнейшего противника – глубоко законспирированной организации, основанной сразу после распада Последней Империи бывшими офицерами спецслужб. Это была организация реваншистского толка, рекрутирующая в свои ряды фанатично преданных идее возрождения Империи людей, преимущественно военных с боевым опытом. Считалось, что численный состав ее невелик и что сфера ее деятельности достаточно узка: исключительно культ Императора. А поскольку

фигура Последнего Императора занимала в этом культе центральное место и была попросту священной, то становилось понятно, почему эти люди пошли на крайние меры, пытаясь не допустить появления в свободном обращении его гениталий, – огласка их технических параметров могла нанести по этому культу сокрушительный удар.

Впрочем, нельзя было исключать и возможности того, что они таким образом пытались заполучить биологический материал для его консервации и возможного последующего клонирования, поскольку пенис мог быть единственным оставшимся на тот момент пригодным к употреблению фрагментом полу-божественного тела.

Меры безопасности, предпринятые тремя оставшимися владельцами опасного трофея, хоть и позволили нанести нападавшему врагу большой урон, тем не менее не смогли уберечь двоих из них. После последней схватки, на которой в общей сложности было убито двенадцать человек, из которых семеро были заезжими гастролерами, на некоторое время все затихло и было непонятно, засвечен Израиль Иммануилович или нет. Но потом пришли и к нему.

Чем этот визит закончился, я уже слышал.

...

К тому моменту, когда внук фрау Шульцбрехт пришел за ушами своей бабушки, жрецы культа Императора никак не проявляли себя уже много лет, и у Израиля Иммануиловича были все основания полагать, что организация эта понесла

невосполнимые потери и что ею была утеряна ключевая, выводившая на него информация. Это притупило его бдительность, и в минуту нахлынувших воспоминаний он совершил непростительную, по его словам, ошибку: похвастался перед мной своим «подвигом» и своим трофеем и тем самым втянул меня в эту историю. И хотя в своих предположениях Израиль Иммануилович, в целом, оказался прав, он недооценил упорство и целеустремленность этих фанатиков. Как выяснилось, за ним наблюдали и наблюдали давно. И первым, кто смог в этом убедиться, был я.

Тем не менее ночной визит ко мне чмокающего весельчака-садиста и его подручного показал следующее: во-первых, эти люди не были абсолютно уверены в том, что у Израйля Иммануиловича есть то, что им нужно; во-вторых, контакт со мной выявил их присутствие, а значит, они утеряли фактор неожиданности, со всеми вытекающими последствиями.

Самое последнее из этих последствий, одетое в дивный шелковый костюм и черные лаковые туфли со шнурками, удобряло сейчас почву под молодой пинией.

Мразь, потерявшая свою шляпу, ушла дворами из устроенной на нее и ее громил засады и, вероятнее всего, готовила ответный удар.

Да. Все было хуже некуда.

Но спокойствие не покинуло меня, и причиной тому был не только ром.

Главной причиной был этот удивительный старик, кото-

рый полчаса лечил мне мозг сказками про «овечек», хотя ему, как и его ныне покойным друзьям-партнерам, светил «колумбийский галстук». Было ли это бесстрашие или такая своеобразная форма неистребимого еврейского оптимизма, я не знаю, но только, глядя на него, я чувствовал, что, пока звучит в эфире его хрипловатый баритон, со мной будет все в порядке.

...

Размышлять о природе человеческих страстей лучше всего с мешком на голове. Этим я и занимался по дороге назад.

Пикап скрипел. Самсоны опять болтали на своем иврите, не обращая на меня никакого внимания.

Я вспомнил, как Израиль Иммануилович, его сестра Нехамма и пес по кличке Бумц вышли проводить меня на крыльцо.

Израиль Иммануилович и Нехамма махали мне рукой, а Бумц вилял хвостом и облизывался.

Перед самым моим отъездом Израиль Иммануилович подробно проинструктировал меня, как мне взаимодействовать с братьями-бородачами, которые будут теперь за мной «присматривать», а у меня опять началось что-то вроде раздвоения личности: я слушал его, и мне казалось, что это сон или кино и что все это происходит не со мной. Я даже пару раз ущипнул сам себя, чтобы избавиться от наваждения, но тщетно – все было по-настоящему.

Потом я подумал о том, что опять упустил хорошую воз-

возможность поинтересоваться у Израиля Иммануиловича, как к нему пришла идея открыть магазин подержанных членов.

А потом я услышал хруст разбитого закаленного стекла, и со всех сторон послышались какие-то странные хлопки.

Машину резко повело вправо, и, по тому, как напрягся от неопределенности мой вестибулярный аппарат и засосало под ложечкой, я понял, что мы летим в кювет.

...

Я лежал меж двух самсонов и не мог пошевелиться. Кое-как высвободив левую руку, я стянул с головы мешок. Борода того, который придавил меня сверху, лезла мне в лицо. Он страшно, урывками хрипел, и я чувствовал, как меня заливает что-то горячее и отвратительно пахнущее.

Я похолодел от ужаса, когда понял, что это кровь.

—

5. «Левый» Матфей

Однажды я видел по телевизору какую-то передачу, в которой показывали воздействие низких температур на растения. Особенно мне запомнился один фрагмент, где на тридцатиградусный мороз выбросили небольшое декоративное дерево, похожее на клен. Режиссер подробно, крупным планом и с разных ракурсов, в динамике, продемонстрировал, как оно умирает; как его ярко-зеленые зубчатые листья ежатся и чернеют, закручиваясь по краям, а потом облетают один за другим, оголяя тонкие, вытянутые вверх ветви, похожие на застывшие в последней попытке что-то ухватить из воз-

духа скелеты человеческих рук.

Когда я смотрел на горящий опрокинутый набок пикапа с тремя оставшимися внутри телами, я чувствовал, что моя душа, подобно листьям этого деревца, чернеет и сжимается в неопрятный комок, отгораживаясь от мира глухим непроницаемым коконом.

Вокруг меня суетились, перекликаясь, коренастые вооруженные автоматическим оружием люди в камуфляже. Откуда-то сбоку, из заросшего травой проселка, уходящего вглубь высаженной рядом с дорогой апельсиновой рощи, выехал, резко затормозил и остановился рядом, подняв облако пыли, окрашенный под местную «зеленку» микроавтобус. Меня грубо подняли за шиворот с обочины, где я сидел, обхватив колени руками, и запихнули внутрь. Я не сопротивлялся – собственная судьба в этот момент меня совершенно не волновала, хотелось только побыстрее оказаться как можно дальше отсюда, чтобы не видеть бушующего пламени, пожирающего двух бородатых весельчаков и молчуна-водителя, которого я и разглядеть-то толком так и не смог, потому что в тот момент, когда меня вытаскивали из пикапа, разглядывать было уже нечего – вместо лица у него зияла огромная страшная дыра.

Еще несколько минут назад все они были полны жизни и о пропасти безвременья, до которой им оставался всего один шаг, едва ли думали. И вот прошли эти несколько минут, и от вселенных их личностей остались лишь клубы черного

душливого дыма, запах которого, как мне теперь казалось, я буду чувствовать вечно.

Мысль эта крутилась в моем мозгу, словно заевшая пластинка, и я тоже горел в пламени этой мысли, объятый всепоглощающей болью, и каждая клетка моего организма надрывалась от беззвучного крика.

...

Я не спал. Я находился в некоем желеобразном объеме светотени, в котором не было ни времени, ни пространства. Желе мерцало, как беспокойная поверхность моря, когда смотришь на нее из глубины, мысли вязли в нем, не вызывая никаких эмоций и устремлений. При желании я мог сконцентрироваться и выхватить из этого объема какую-нибудь деталь, будь то предмет интерьера или чье-то лицо, но любое подобное действие было сопряжено с усилием, от которого начинало шевелиться заполнявшее голову толченое стекло, и поэтому я старался без особой нужды этого не делать.

К реальности меня вернул голос человека, державшего во рту карамельку и перекатывавшего ее от щеки к щеке в процессе построения фразы. Голос этот, показавшийся мне знакомым, промурлыкал, слегка гнусавя, в самое мое ухо:

– Ты еще жив, малыш, но не факт, что это для тебя хорошо...

Я открыл глаза и увидел обнаженный торс пятидесятилетнего мужчины с выколотой на груди большой разноцветной татуировкой архангела Михаила, облаченного в воин-

ские доспехи, с мечом в одной руке и со щитом в другой. На щите был начертан короткий текст на незнакомом мне языке, вероятно какой-то девиз, состоящий из двух почти симметричных половин, что-то вроде «Quod licet Iovi, non licet bovi»². Татуировка была исполнена мастерски, архангел получился как живой, с лицом, не предвещавшим ничего хорошего.

Подобный раскрас, вероятно, содержал в себе некий скрытый смысл и должен был утрашивать наблюдателя, однако вместо того чтобы испугаться, я почему-то подумал о том, что тяга к демонстрации подобной графики в пятьдесят лет, равно как и привычка оголяться на людях, не лучшим образом характеризуют ее обладателя. Это пахивало инфантилизмом, самцовым гламуром, а может и чем-то похуже.

Впрочем, хозяин расписного торса подобными рассуждениями явно не отягощался и пребывал в прекрасном расположении духа. Над его выпирающей вперед волевой челюстью с раздвоенным подбородком сияла широкая улыбка. В берцах и армейских маскировочных брюках, подпоясанных брезентовым ремнем, он, похоже, чувствовал себя гораздо более комфортно, нежели в цивильных плаще и шляпе. Да и исполнявшийся им теперь цирковой номер был посерьезней: «остренькое» такое попури с холодным оружием. В этом деле он, определенно, был большой мастер: нож летал у него меж пальцев, как монетка у фокусника. Судя по его довольному виду, он согрелся мыслью о том, что теперь у него

будет возможность отрезать у меня не только палец.

Внезапно он остановился и, указывая кончиком лезвия на надпись на щите предводителя небесного воинства, спросил:

– «Кто не со Мной, тот против Меня» – чуешь, чем пахнет, Йозель?

– Да, – ответил я, не задумываясь. – В вашем случае – горелой человечинной.

...

«Они все такие сентиментальные, эти убийцы!» – съязвил как-то раз один мой знакомый библиофил после того, как посмотрел очередной блокбастер, в котором немногословный спаситель человечества в перерывах между массовым забоем явных и мнимых врагов, то ли человечества, то ли своих собственных, успел пожалеть дрожащего от холода бездомного котенка и повздыхать по поводу не политых вовремя цветов в своей оранжерее. Слушая теперь разглагольствования человека без шляпы, я имел прекрасную возможность убедиться в том, что убийцы могут быть еще и очень набожными.

Этот коротко стриженный широколобый дядя с большими залысинами, по его собственным словам, почти всю свою жизнь духовно совершенствовался и проявил на этом поприще недюжинное усердие. Он исключительно строго соблюдал все посты, исправно посещал церковь и каждую зиму купался в ледяной воде. В каком-то дальнем монастыре у него был персональный священнослужитель-наставник, с

которым он любил подолгу беседовать о выборе правильного пути и которому он исповедовался, а дома на стене висела старинная семейная икона, «хранившая» его от бед.

Меня всегда удивляло то, как изобретательно люди игнорируют заветы, данные им Богом, и при этом еще называют себя верующими. Год за годом, столетие за столетием на простые и лаконичные слова они слоями наносили свои интерпретации и, что гораздо хуже, дописывали от себя. В результате изюм смысла окончательно потерялся в огромном кексе формы, а я сидел в подвальном помещении, оборудованном под тюремную камеру, напротив христианина, которому бесполезно было объяснять, что заповедь «не убий» не подразумевает никаких исключений с делением на «своих» и «чужих» и что она одна перетянет все его многолетние культовые потуги и знание наизусть Евангелия от Матфея.

Некоторое время я не понимал, зачем ему понадобилось пичкать меня всем этим вдохновенным бредом про светлую радость от служения великому делу и про то, как масса людей может сливаться помыслами своими и волей своею в единый несокрушимый дух.

В какой-то момент мне даже показалось, что я снова нахожусь в компании сумасшедшего, поскольку я так и не смог себе представить, как в нормальном человеке могут ужиться изощренный садист и искренний идеалист, рьяно пекущийся о всеобщем благе и поставивший во главу угла восхитительное своей неопределенностью слово «мы».

Все сразу встало на свои места, когда до меня наконец дошло, что проповедь эта – лишь забава, что-то вроде игры кошки с пойманной ею мышкой.

Татуированный спец по жонглированию ножиком желал, чтобы я в полной мере осознал и прочувствовал свою ничтожность и беспомощность перед той силой, которую он олицетворяет, и в определенном смысле он достиг своей цели: я был смущен. Иуда, позарившийся на горсть сребреников, показался мне неуклюжей деревенщиной по сравнению с этим умником, ловко, словно шулер карты, тасовавшим как ему нужно то самое Слово, через которое все начало быть.

Заметив мое замешательство, он развернул по этому поводу от уха до уха самодовольную ухмылку:

– Сказано было: «И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую». Потому и зовется дело удобное богу «правым», а козлячье – «левым».

Конец фразы был выделен ударением специально для меня.

Я поглядел на сидящего передо мной матерого душегуба и подумал о том, что Господь должен пребывать в большой печали от того, каким уродом получился венец его творения. Из-за пшика, абстракции, раздутой из бледной, сморщенной пустяковины, которая, принадлежи она кому-нибудь другому, скорее всего, стала бы поводом для хохота раздолбанных вагин, венчик лил без стеснения кровушку, а в моменты недолгих перерывов на отдых глумился надо всем подряд.

А еще я подумал, глядя на то, как он в очередной раз закатил глаза, что осознание собственного превосходства в момент подчинения кого-либо своей воле для подобных людей сродни оргазму и что никакими «овечками» заменить это ощущение они не в состоянии. Ошибся Израиль Иммануилович: не «власть ради власти», а «власть ради кайфа», и вся их иерархическая пирамида скрипит от сладострастных конвульсий, как диван в публичном доме.

– Не теряйте зря времени, – перебил я его, стряхивая с себя остатки оцепенения, – у вашего архангела волосы из рта растут.

Сидевший напротив меня человек был умен и сразу все понял.

Улыбочка исчезла с его лица, и замерла во рту карамелька. Он смерил меня холодным взглядом, от которого почему-то заныл мой вновь обретенный палец, а потом неуклюжим движением пнул меня по правой голени носком своего армейского ботинка.

...

Как и предсказывал большой знаток Евангелия от Матфея, после того как Израиль Иммануилович получил по почте конверт со знакомым средним пальцем и запиской с обязательством и далее высылать ему прочие части моего тела каждые два дня, он сразу согласился на изложенное в той же записке предложение обменять в указанном месте, в указанное время то, «о чем ему хорошо известно», на мою персону.

Когда я впервые узнал об этой затее, то первым делом подумал о том, что ни я, ни Израиль Иммануилович живыми из этой передраги уже не выйдем. Требовал ли культ Императора неперменного нашего заклания, я не знал, но то, что два раза резавший мне палец жрец не откажет себе в таком удовольствии, я ничуть не сомневался.

Лежа на жестком тюфяке в кое-как освещенном тусклой лампочкой подвале, я мучился от боли в руке и от того, что никак не мог понять, одной ли случайностью объясняется мое пребывание здесь, или есть еще что-то, чего я до сих пор не знаю.

Израиль Иммануилович был прагматичным человеком, и объяснить такое быстрое его согласие одним лишь нашим добрым знакомством я не мог.

...

Над морем шел дождь. Он рваной пеленой свисал из медленно ползущих по небу облаков, окрашивая поверхность воды под ними в унылый серый цвет. В то же время здесь, на пристани, пока еще было сухо и светило солнце. Сильный порывистый ветер гнал волны к берегу, срывая с гребней пену, а сквозь шум прибоя время от времени прорывались пронзительные крики чаек.

Когда-то тут кипела жизнь, причаливали и отдавали швартовы промысловые суда, и словно цапли вытягивали свои металлические шеи краны, разгружавшие улов. Теперь повсюду царил упадок: пустыми глазницами окон смотрели

по сторонам давно не беленые постройки с кое-где разобранными черепичными кровлями, догнивали на своей последней стоянке несколько ржавых посуды, а в щелях между бетонными плитами набережной всюду росла трава.

В полном соответствии с законами жанра мы приехали сюда на большом черном автомобиле и, сидя внутри, ждали, когда прибудет «товар». В машине мы были втроем: мрачного вида шофер, не проронивший за всю поездку ни слова, мой религиозно подкованный экзекутор, облаченный в новую шляпу, и я. Впрочем, можно было не сомневаться, что где-то поблизости располагались люди, тщательно проинструктированные на предмет выбора цели и момента ее ликвидации.

Состояние мое было ужасным. В одну и ту же минуту я проходил внутри себя весь путь от надежды, что вот-вот произойдет чудесное мое освобождение, до полного отчаяния и осознания того, что я стою на ступеньках эшафота. Этот цикл повторялся снова и снова, с каждым разом оставляя мне все меньше сил.

– Смотри-ка! – воскликнул человек в новой шляпе, обращаясь к водителю. Он докуривал вторую сигарету и тлеющим ее концом ткнул куда-то в небо. – Умные твари! Чуют, где пожить можно.

Там, куда он указывал, уже собралась стайка заинтересованных пернатых, она кружилась на небольшой высоте, приглядываясь к тому, что происходит у нас внизу.

А внизу джентльмены собирались играть «ривер»³, в котором на кону стояли головы, в том числе и моя. Возможно, это было проявлением малодушия, но сейчас мне хотелось только одного: быть как можно дальше от этих безумных фетишистов и смертоносного червячка в криогенном контейнере, и пусть они сами с собой разбираются. Мне было плевать на Последнюю Империю и ее императора, мне было плевать на органический антиквариат и все, что с ним связано, равно как и на то, какой национальности был Адам, и был ли он вообще. Я хотел забыть обо всем этом раз и навсегда и жить как прежде.

...

Израиль Иммануилович пришел пешком. Он появился из узкого прохода между двумя облупленными сараями, одетый во все черное, с шикарным кожаным саквояжем в руке. Всем своим видом он походил на гробовщика, желающего снять мерку с покойника, и только яркий рыжий цвет саквояжа разрушал целостность образа.

Такое его появление стало полной неожиданностью для человека в новой шляпе. И хотя выражение его лица при этом ничуть не изменилось, я заметил, как на мгновение он весь напрягся, а правая его рука произвольно потянулась к скрытому под одеждой оружию.

Израиль Иммануилович, не спеша, подошел поближе и, остановившись метрах в семи-восьми от нашей машины, стал ждать.

– Пора на выход, малыш! – человек в новой шляпе подарил мне полный боевого задора взгляд, обстоятельно похрустел суставами пальцев рук и, прежде чем открыть дверцу и выйти, предупредил: – Инструкции те же: шаг влево, шаг вправо – сам понимаешь...

Сердце бешено колотилось у меня в груди, и совсем не слушались ноги. Я чувствовал себя так, как будто мне нужно было выпрыгнуть из самолета без парашюта. С огромным трудом я выбрался наружу следом за ним и встал рядом с автомобилем, опираясь на капот, чтобы не упасть.

Израиль Иммануилович молча поставил саквояж на землю и сделал два шага назад.

Его визави пружинистой походкой приблизился к заветной цели, однако прежде чем встать на колени и заглянуть внутрь, не забыл чинно, с легким поклоном приподнять в приветствии свою новую белую шляпу.

Осмотром содержимого он, судя по всему, остался доволен. Защелкнув замок, он поднялся.

Наступала развязка, и чей-то торжественно-печальный голос в моей голове произнес: «Ну вот и все!»

...

Предложение Израиля Иммануиловича было коротким и простым: свою часть договора он выполнил, я остаюсь с ним, а человек в белой шляпе забирает саквояж и уезжает, куда ему угодно. Тон, которым оно было озвучено, более подходил для ультиматума и очевидной целью имел продемон-

стрировать его уверенность в том, что он в достаточной степени контролирует ситуацию, что на любой выстрел последует ответный и счет 2:2 гарантирован.

Такой счет меня лично не устраивал, но, честно говоря, никакого другого исхода я не видел. Стрельба диктовалась логикой момента, а еще точнее, тем обстоятельством, что для того чтобы разойтись без крови, нужно было доверить свою жизнь тому, кого ты во что бы то ни стало хочешь уничтожить и кто полностью взамен в своих желаниях по отношению к тебе.

Вот и получалось, что, направляясь сюда для того, чтобы меня спасти, Израиль Иммануилович мог рассчитывать только на чудо.

...

Человек в белой шляпе уже целую минуту разглядывал Израиля Иммануиловича. Вероятно, он пытался понять, блефует хозяин магазина подержанных членов или нет, а заодно прикидывал варианты развития событий и возможные свои действия. Только все это было зря.

Самоуверенный кретин! Никакого выбора уже не существовало. Оставалась неясной только одна деталь: чей выстрел будет последним.

– Ты не Авраам, старик, а щенок, который тебе почему-то так дорог, – не Исаак. Чудес не жди! – сказал он весело и некрасиво сплюнул в сторону.

Верный слуга великого дела, без сомнения, был смел. К

жизни своей он относился как к игре, как к кинофильму без дублей, и, видимо, поэтому был весьма склонен к мелодраматическим эффектам.

...

Я так и не понял, что послужило триггером для старта апофеоза. Может быть, у кого-то сдали нервы, а может быть, это был какой-то условный сигнал или что-то еще, чего я не заметил, но только вдруг в воздухе возникло гудение пули крупного калибра, и в тот же момент боковым зрением я увидел, как водителю машины оторвало голову.

Рухнув инстинктивно на землю, я сразу понял, насколько мне повезло с тем, что я не успел отойти от автомобиля и что оказался с той его стороны, которая была обращена к морю, – здесь я был укрыт от огня.

Впрочем, война случилась предельно короткая: сначала раздались три или четыре выстрела – точное количество я не запомнил, а немного позже, с небольшими интервалами, еще несколько. И хотя я непроизвольно жмурился и вжимался в нагретую солнцем железобетонную плиту после каждого, ни один из них не был произведен по мне.

Потом все стихло, и снова остались только шум ветра, плеск волн и раздраженные вопли потревоженных птиц.

...

Я лежал без движения, ожидая, что вот-вот все начнется снова, однако время шло и ничего не происходило.

Я приподнял голову и посмотрел вперед.

Там они и лежали оба: Израиль Иммануилович и человек в белой шляпе.

Можно было долго думать о том, зачем и почему, но сейчас только один факт имел значение: я был все еще жив, а человек, который по сути спас меня, – нет.

Я снова уткнул нос в шероховатую от дождей и ветра бетонную поверхность причала и заплакал. В один момент пронеслись у меня в голове картины наших с ним встреч, разговоров и посиделок за чаем. Вспомнился ром и то, что теперь я никогда уже не узнаю, как к нему пришла идея открыть свой магазин. Где-то внутри меня образовалась гулкая пустота, обещавшая остаться со мной навсегда, с невеселой, правда, оговоркой, что это самое «навсегда» может быть совсем недолгим.

После того как мысль моя коснулась темы человеческих запчастей, она тут же пошла дальше: там, в нескольких шагах от меня, в рыжем саквояже находился источник невероятного зла. Даже своим трехдюймовым кончиком Последний Император все еще сеял смерть, хотя и очистил от себя мир уже невесть когда, и с этим нужно было что-то делать.

Я вытер с лица слезы и подумал о том, что работа у снайперов тяжелая: тихо приди, забейся в какую-нибудь дыру, сиди или лежи в ней час, день, и так далее. Ни поест, ни погадить толком. А после того как вышибешь у мишени мозги, все то же самое: снова сиди, лежи, пока не смоешься по-тихому. Сколько их, бедняжек, сейчас мается вот так вокруг?

Судя по тому, что до сих пор никто не рискнул выйти и прихватить саквояж, такие еще были.

Удивительно, но страх, который мучил меня все последнее время, исчез. Я не смог бы сказать точно, когда это произошло: то ли после того, как я подумал, что в некоторых ситуациях нужны не таблетки от запора, а таблетки для запора, то ли после того, как вспомнил сцену из одного древнего фильма, где во время войны солдаты яростно сражаются за мост, потому что он очень нужен генералам для реализации их гениальных стратегий, а сами при этом больше всего на свете мечтают о том, чтобы пришел кто-нибудь посторонний и взорвал его.

Ужасно захотелось покурить. И выпить.

Любитель цитировать Матфея все время напирал на то, что Бог на его стороне. Настал момент проверить, прав он был или нет.

...

Израиль Иммануилович лежал в луже крови лицом вверх и смотрел в небо. Одна из пуль попала ему в шею и перебила артерию. Смерть его была ужасной, но лицо осталось удивительно спокойным.

Не было никаких тайн. Он просто пришел сюда, чтобы подарить мне шанс, пусть один из миллиона. Это все, что он мог сделать, и он сделал это.

Я снова почувствовал, как подкатывает комок к горлу и просятся наружу слезы. Кое-как сдержавшись, я нагнулся и

осторожно закрыл его потускневшие глаза.

Потом я подошел к саквяжу, открыл его и извлек оттуда контейнер с пенисом.

Идеи движут людьми. С ними люди живут, за них они умирают. Глядя на этот кусочек плоти, я, как ни старался, не мог себе представить, какую такую замечательную идею могло воплощать это синюшное дерьмо, утащившее в могилу столько людей.

Решение пришло само собой: я размахнулся и изо всех сил подбросил блестящий медицинской сталью сосуд вверх.

Описав в воздухе дугу, он упал на бетон набережной метрах в двадцати от меня, стекло разбилось, поднялся клубочек сизого дыма, и драгоценное содержимое выкатилось наружу.

Я стоял и ждал, чувствуя, как чьи-то глаза смотрят на меня через окуляры прицелов.

Нахальная чайка спикировала вниз, подхватила все, что осталось от человека, мановением пальца двигавшего когда-то в атаку танки, самолеты, боевые корабли и подводные лодки, и, неспешно взмахивая крыльями, улетела вдаль.

Дождь приближался – природа хотела смыть следы человеческого безумия.

...

Сказано было: «И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую».

Человек в шляпе не учел одного: если перевернуть систе-

му отсчета с ног на голову, то стороны эти меняются местами.

—

—

—

—

Восемь стихов от Макса

—

Я знал, что Макс не хотел, чтобы кто-нибудь, кроме Хелен, присутствовал на его похоронах. Он не единожды высказывался на эту тему вполне определенно. Поэтому, когда Хелен позвонила мне и сообщила время и место, где я мог бы с ним попрощаться, «если, конечно, захочу», я понял, что она в отчаянии, и пообещал приехать.

Честно говоря, я и сам в последние дни пребывал в исключительно гадком расположении духа. В груди моей будто горела куча пожухлых прошлогодних листьев, то тоскливо тлеющих, то вспыхивающих вдруг яркой обидой на слепую жестокость судьбы, то почти потухших и источающих клубы удушливой горечи.

Последний раз я видел Макса недели две назад: он был привычно сдержан и саркастичен и «Дикой индейки»⁴ выпил не больше, чем обычно.

...

В наших взаимоотношениях с Максом Хелен присутствовала всегда. С нее начало быть все то, что начало быть, и я,

сколько ни старался, не мог представить себе, что бы получилось и получилось бы вообще что-нибудь, если бы ее не было.

Вспоминая о Максе, я неизбежно вспоминал и о ней, а думая о Хелен, заканчивал все равно Максом.

Она нас познакомила. Она спала с нами обоими. Она пила наравне с нами и точно так же никогда ни о чем не спрашивала.

Она была такая же пропащая, как и мы.

...

Вдруг выяснилось, что идти на мероприятие мне решительно не в чем.

Из вещей траурных расцветок имелись только темно-серые брюки и две черные футболки: одна – с компиляцией из голов веселых финских лосей, а другая – с копией этикетки Old № 7⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.